

ГЛАВА 66

- Серый! – начал я, едва утром в офис зашли Вера и заметно посвежевший Сергей.
– У тебя ж сегодня день рождения!

У того в глазах тут же мелькнули догадка и ожидание и, сдерживая улыбку, Сергей вздохнул будто с налетом грусти и произнес:

- Да, Роман, тридцать шесть лет сегодня исполняется!

- Ну я тебя поздравляю! – улыбнулся я и потянулся за бочку с маслом.

Я помнил о дне рождения Сергея, и мне снова хотелось не быть банальным. Будучи как-то на авторынке, я от нечего делать сфотографировал на телефон Сергея. Фото вышло удачным и осталось в телефоне. Теперь я вспомнил о нем – перекинул в ноутбук, наложил на фото в редакторе своё и фоном добавил стих на иностранном языке, пожелание удачи в жизни и делах. Провозившись с картинкой два вечера, я распечатал ее в типографии. Идея была простая, но картина имела хитрость – при обычном освещении моя фигура виделась плохо, блёкло, а в приглушенном свете, наоборот, набирала силу, а фигура Сергея гасла – наши фигуры будто менялись местами. Я поместил картинку в рамку размера А3 и, помня об увлечении напарника рыбалкой, в довесок к подарку купил крупный охотничий нож. Выудив из-за бочки скрытую в бумаге и перетянутую лентой картинку, я протянул её ему.

- Роман какую-то поделку смастерил! Га-га-га! – раздался грубый смех Сергея, тот самый, какой унижал сразу.

Напарник глянул на жену, нехотя взял картинку в руки.

- Ну почему – поделку? – улыбнулся я через силу, обида, вспыхнувшая мгновенно, прожгла грудь. – Я старался, делал, хотел тебе сделать приятное... что-то небанальное...

Слова дались тяжело. Я понимал, что виноват сам – так глупо подставился – что-то выдумывал, делал, распечатывал, искал рамку. Труда вложил немного, но все делалось от души и искреннего желания сделать подарок. А в душу плюнули, унизив подарок до слова «поделка». И этот смех... Он так усиливал эффект унижения. Сергей будто знал это, будто получал от уколов словами и особенно от смеха удовольствие. По его взгляду я понял – так и есть. Глаза Сергея блестели, он был собой доволен. Наверняка, мои глаза меня тоже выдали. Хотя я силился не принять плевков близко к сердцу, но вышло плохо. Сергей что-то смекнул, заметил мою перемену, произнес – Да ладно, Роман, я так просто сказал! – и с явно деланным любопытством принялся раскрывать упаковку картинки.

- И вот нож тебе, - сказал я, уже безразличный к происходящему, без удовольствия, лишь бы покончить с неприятной уже формальностью. – В поездки на дачу, на природу...

Сергей принял нож – этот подарок ему понравился больше, нож был практичен. А картинка... Что с ней делать? На стену повесить? И чего? Картинка – это всего лишь мое отношение к нему, несмотря на много нехороших черт в характере и неприятные моменты в работе. Все-таки хотелось относиться к Сергею хорошо. До этого момента. Пока остатки моего изначального отношения не были прилюдно оплеваны, унижены и растоптаны.

Будто снова пытаюсь загладить свою «неудачную» реплику, Сергей отложил нож на стол, торопливо раскрыл упаковку картинки и стал ее разглядывать. Я читал по его глазам – Сергею картинка непонятна. Он и не силился понять – увидел себя яркого на пепельном фоне неразборчивых темно-серых строк, растерянно полупал на изображение, но остался доволен – ведь на картинке он, а это главное. Вера протянула руки к картинке, и Сергей с радостью передал ее жене, взял в руки нож, вынул из ножен и стал разглядывать.

- Спасибо, Роман! – выкинул театрально в мою сторону кисть Сергей.

- Да не за что, – пожал я руку, понимая, что сделал глупость – полез к материалисту с душевным подарком. Вот если б я снова подарил слиток золота. В груди уже жгло не так сильно, но ком оставался. Он мешал дышать, настроение испортилось на весь день.

- О, ну красиво! – приподняла картинку на вытянутых руках Вера и залюбовалась ею. Мне уже было все равно. Начались поздравления от соседей, они подарили напарнику какую-то автомобильную мелочевку. Все происходящее я видел и слышал в безразличии, будто издалека – думал о своем.

- Че там Вован твой? Чем занимается? Видитесь с ним? – произнес Сергей, когда мы, приняв от Алексея Семеновича товар и повесив на склад замок, возвращались в офис.

- Да так, – отмахнулся я. – Видимся, но редко... Стройкой сейчас занялся...

- А че, он разве в той фирме больше не работает? – встрепнулся Сергей.

- Нет, – мотнул головой я. – Ушел...

- А как он стройкой... на себя што ли или в фирме?

- Не, сам решил... – кивнул я. – Ремонтирует квартиры вроде как... Да я особенно не вдавался в подробности... Да пусть пробует! На себя всяк лучше, чем на дядю!

- Да не, ну эт понятно!

- У него семья, ребенок... Семью надо содержать, чем-то кормить...

- Меня дети тоже изменили, – вновь вернулся к теме семьи Сергей, задумался. – Лилька меня остепенила. А до этого я так же, как и вы с Вовкой везде лазил, пил, дрался! Машина сходу пролетела Т-образный перекресток влево и подкатила к кольцу.

- Я в каждой драке участвовал, Роман! Ты не представляешь просто! – продолжал Сергей, я слушал вполуха. – Один раз с дрючбанами пошли на дискотеку, ну и сцепились там с одними... потом узнали, что это омовцы были...

- Омовцы!? – встрепнулся я, задрал в удивлении брови вверх.

- Да, омовцы, прикинь! – шмыгнул носом Сергей и продолжил искать в карусели машин на кольце просвет. – Так они нас отхерачили... Пиздец просто...

«Мазда» юркнула на кольцо и по касательной тут же свернула к офису, затихла.

- Ого, вот это вы попали в замес! – хмыкнул я.

- Да, Роман, там все серьезно было... Кто ж знал... – вынул Сергей ключ из замка зажигания. – Я потом три дня дома лежал, встать не мог, мать меня из ложечки кормила... В туалет ходил ссал кровью...

Мы вышли из машины.

- Потом я уже стал потише... – продолжил Сергей. – А раньше так и было – меня на руках несут двое мои же, я пьяный в хавно, а еще успевал огрызаться и послать!

Сергей расставил руки, повесив их на шею воображаемых друзей, изобразил, будто его ноги волочатся и буркнул назад что-то нечленораздельно-наглое. Мы зашагали в офис.

- Поэтому, Роман, дети они остепеняют людей... Даже меня остепенили...

Мы затопали вверх по лестнице, Сергей первый, я следом.

«Не дети тебя сделали потише, а просто раз хорошенько отпиздили, вот и все... – подумал я. – Сколько веревочке не виться, все равно рано или поздно нарвешься на того, кто сильнее. И станешь потише. А не поймешь, жизнь снова объяснит...»

В конце недели Сергей стал усердно подбивать «наличку». Внеся текущие расходы в тетрадь, Вера вывела сальдо – все сошлось. Сергей тут же предложил списать проценты за займы в фирму, те самые ежемесячные два процента. Я удивился – ведь с конца ноября едва прошла неделя и, вроде как, за декабрь получать проценты еще рано.

- Да ладно, Ромыч! – благодушно сказал Сергей. – Ну все равно их через две недели выписывать, какая разница! Тем более, может, Анатолию Васильевичу деньги нужны, а то мы у него вынули из кармана, а они, может, у него последние...

Мне стало еще и противно – я понимал, что благодушие его деланное, наигранное. И фраза про «последние деньги Анатолия Васильевича» не случайна, и в ней был скрытый смысл – так Сергей пытался выведать, есть ли еще деньги у отца или эти пятьдесят тысяч единственные. Я уже наловчился отвечать на такое максимально туманно и неудобно.

- Не, деньги ему сейчас не к спеху, - замотал головой я, все играя роль простачка, будто выбалтывая то, что Сергею и нужно. – У него есть, так что с этим полтинником он подождет, а если что, то, как мы и договаривались, что по сотке вложим, если надо будет, то еще полтинник даст...

- Это он тебе так сказал? – взгляд Сергея на миг стал цепким, выдав его интерес.

- Да, - кивнул я простодушно, - сказал, даст... Да если надо, он и еще даст...

Сергей сразу скис, погрузился и потух взглядом. Я ответил как надо – дал понять, что деньги у отца есть, а сколько именно – не сказал. Я не глядел на Сергея, но чувствовал все, что происходило в его душе. Сергея начала царапать зависть, заскребла сильнее, мозг захватили беспокойные мысли о чужом благополучии.

«Пусть скребет», - подумал я, ощутив внутри прилив справедливости.

- Ну давай, ладно, заберем эти проценты! Отнесу, отдам отцу штуку! – добавил я бодро, глянул на жену Сергея. – Вер, ну спиши тогда с нас, сколько там выходит? Тысяча мне за полтинник и... и четыреста за двадцатку Сергею тогда! Да, Серый!?

Все так же простодушно я глянул на напарника, тот сникший, вяло достал «общак» из заднего отдела кошелька и тягостными движениями отсчитал купюры.

- Да, Роман... – выдохнул Сергей, протянул мне тысячу. – Все верно...

На следующий день на авторынке мы помыли «ниссан». Погода установилась не по-зимнему теплая. Давно уже должен был лежать снег, и температура опуститься ниже нуля, а на улице стояла теплынь в шесть градусов.

- Бррр! – нырнул я в салон «ниссана», потирая красные от холодной воды руки.

- Замерз что ли!? – произнес севший в машину минутой ранее Сергей.

- Да не! Руки застыли! – сказал я, поежился и принялся растирать кисти рук друг об друга, откинулся в кресле, замер, чувствуя, как руки охватывает жар.

- Че вы с Вованом ходите куда по клубам или уже все? – произнес Сергей.

- Да ну, Серый! Какие клубы!? – воскликнул я. – У Вовки уже семья, да и мне они уже не нужны... Все! Ушло время!

Пауза.

- Да, было время! – роясь в воспоминаниях, уставился я сквозь лобовое стекло вдаль. – Чего только не было... Так куролесили... Какие-то девки, пьяные рожи, знакомые, незнакомые... Кругом накурено, грохот... Драки какие-то... Блять, этот мелкий гандон так мне подло в нос головой зарядил...

- Гы-гы, - среагировал Сергей, через секунду добавил. – А у нас тоже в компании был один такой. Чуть что, начинал сразу кидаться орать – Ты че, блять!? Ты куда лезешь!? – Сам невысокий, так, средненький, а остальные, здоровые, стояли сзади ждали...

- Во! – оживился я. – Есть такие! Сразу начинают орать!

- Ну да, он того заводил, тот кидался, ну и получал...

- Да вот такие мелкие – самые пидоры! – обозлился, я, помня случай ярко. – Блять, таких вот надо первыми гасить! Вообще убивать нахуй!

Я глянул на Сергея, тот сидел, откинувшись вбок к стеклу, и с прищуром и лукавой улыбкой наблюдал за мной. Я замолк. Эмоции через пару минут улеглись, и мне вдруг пришла мысль, что Сергей в третьем лице говорил о себе. Я глянул на него, но Сергей уже не ухмылялся, а задумчиво смотрел в никуда. Мне стало неловко, и я вышел из машины.

Это был наш последний выезд на авторынок в тот год. А через пару дней началась нормальная зима, и температура ушла в минус.

Отец перешел в зимний режим бытия – днем возил товар, вечерами читал на диване книги. Удивил меня выбором, я заметил в его руках книгу по психологии. Даже подшутил над отцом по такому поводу. Идея, почитать что-нибудь подобное, нравилась и мне, но я все не решался, мне всегда казалось, что такие книги слишком тяжелы, скучны, заумны и занудны. Отцу же в самый раз.

На следующей неделе Сергей предложил взять по пять тысяч премии. Предлог он выдумал простой – у очередной троюродной тетки, которой больше шестидесяти лет, день рождения и ему «надо что-то купить в подарок». Я плохо представлял Сергея, регулярно поздравляющего всех своих родственников с разными юбилеями, и понимал, что тот врет, и причина меня интересовала мало, беспокоило то, что деньги изымались из оборота лихо, а вносились в фирму с трудом. Но сумма «премии» была незначительной, и я согласился.

Я почти закончил ремонт, оставалось лишь вставить межкомнатные двери. Деньги кончились совсем, нужную сумму я взял у отца в долг, и мы с ним купили двери. Ставить их самим или нанимать специалистов? Ни я, ни отец никогда этим не занимались раньше.

- Сами поставим, - безапелляционно заявил он, и я согласился.

Поначалу дело шло медленно – делали все без специальных инструментов: собрали коробку, вклеили уплотнитель, выдолбили пазы под петли, замки и ручки, закрепили их и установили дверь, потратив на нее три вечера.

Город уже жил в ожидании новогодних праздников. В очередную поездку к Сене в «Меркурий» я застал того сияющим – дом сдан, квартира готова, получил все документы. «Выстрадал», - понял я Сеню как никто другой, порадовался за него и пожал руку. Уже на улице я вспомнил рассказ Сени о своих мытарствах, подумал, что стал видеть его иначе. Я разглядел Сеню в лучшем свете, а поначалу он мне показался человеком не очень.

В пятницу 19 числа я приехал с товаром в «Пересвет». Из трех кладовщиц – Кати, Гали и Лены – товар взялась принимать симпатизирующая Сергею Ленка. Я улыбался про себя, все понимая, но злые, грубые фразы и жесты Ленки портили настроение. Она попала в ту же ловушку обаятельности, какую Сергей ставил всякому, и оттого Ленку стало жаль, как себя самого. Я понимал, что позже прозреет и она, а пока я терпеливо ждал, наблюдая, как два грузчика лениво носят коробки на второй этаж. Отец курил рядом. Подмерзнув, я пошел в склад. Катя и Галя – веселые тетки, хоть и были заняты, но стали перекидываться со мной шутливыми фразами. Я принялся сдавать товар Ленке, перечислять привезенные

наименования и количество. Та, ковыряясь пальцами в зубах, недовольно сопела, делала пометки в накладной и нетерпеливо грубо периодически произносила:

- Ну, поняла, отметила! Че там дальше!?! Да, дальше давай!

Я брал следующую коробку, если та была запечатана, называл количество товара в ней либо по памяти, либо читал с этикетки.

- Да! Отметила! – сопела Ленка. – Следующая!

Если коробка оказывалась открытой, я пересчитывал товар и сообщал количество.

- Да, все верно! – вздыхала тяжело Ленка, всячески выказывая свое недовольство.

Очередная коробка оказалась незапечатанной. Я посчитал товар, назвал цифру.

- Восемнадцать!?! – глянула в накладную Ленка, засопела. – Не, у меня двадцать!

Я глянул в накладную – так и есть, двадцать. Вспомнилось, коробку эту грузил в машину Сергей. Я снова принялся злиться на его неряшливость. Такое случалось все чаще у разных клиентов. Пока мы с Сергеем рулили фирмой из офиса, товаром заведовал Сеня – его за такое мы штрафовали. Сеня исправился и дальше работал четко. И вот, уже год я и Сергей возили товар сами и... началось. То тут, то там. Я понимал, такая черта характера у Сергея. Но она стала утомлять сильно – приходилось везде за ним проверять и устранять огрехи. Закончили, Ленка шлепнула на накладную печать. Я простился с кладовщицами. Катя и Галя ответили дружелюбно.

- Пака! – грубо через губу буркнула Ленка и отвернулась.

Я спустился вниз. Отец курил на рампе.

- Все, поехали? – глянул он на меня.

- Да, - кивнул я, сел в уже остывшую кабину, поежился. Настроение подпортилось. Я задумался о Сергее, его чертах характера, тех, что мешали нормально работать. Если бы их не было, то мы бы, наверняка, уже выросли во вполне крупную фирму. Я чувствовал – мы упускаем важное, упускаем шанс. И когда будет следующий, и будет ли – неизвестно. Я так ясно видел этот шанс ранее, когда он был перед носом, и вижу его и теперь, позади, уже уходящим. И меня ел вопрос – неужто я единственный, кто его видел? Сергей, Вера, отец – ведь неглупые люди и должны видеть его тоже. Так почему мы проскочили мимо шанса? В чем причина?

Я накручивал себя несколько минут, пока тяжесть в груди и голове не затруднила дыхание. Заставил себя отвлечься, заговорил с отцом о новоселье – о позитивном.

В выходные, запилив и прикрутив наличники к дверям, наконец, закончили с отцом ремонт. Я осмотрел работу – не так уж и хорошо сделано. Или я придираюсь? Я не знал, но довольным не остался. Во мне ворочалось внутреннее раздражение, я хорошо понимал его источник – вынужденная обязательность отца перед сыном. Вынужденность сквозила во всех его движениях и словах во время возни с дверями. Я видел лицо отца – оно выражало недовольство тем, что приходилось мне помогать. Я не просил его, он сам взялся помочь, и сам же был недоволен. Парадокс. А выполнение любых дел против желания вызывает в человеке негатив. Вот отец и раздражался. Во время работы мы часто ругались в мелочах. Но вот, дело было сделано, ура. Я посмотрел на двери, открыл-закрыл их по очереди, все хорошо. Тут я заметил оплошность, внутри похолодело. «Блять!» - выругался я про себя, глянул на отца, вслух добавил:

- Уплотнитель забыли поставить, прикинь!?

Я стал лихорадочно соображать, как же исправить и понял – никак. Мы допустили глупую промашку. Я разозлился на себя за недогляд.

- Ну а куда ж ты смотрел!? – бросил на меня неприязненный взгляд отец.

- Да почему сразу я!? – парировал я. – Че ты сразу виноватых ищешь!? Мы вдвоем двери ставили, ты же тоже не заметил, что не поставили уплотнитель!

Отцу замечание не понравилось, желваки заходили под кожей. Некоторое время мы обменивались напряженными и взаимно неприязненными фразами. Я злился. С неких пор черта отца – всюду искать виноватых, а самому оставаться непогрешимым – бесила все сильнее. Как-то остановив взаимные упреки, мы в не лучшем настроении направились домой. Воскресенье, 21 декабря, восемь часов вечера, около десяти градусов мороза, небо почти ясное, морозное. Мы вошли в лес и потопали по тропинке, снег приятно поскрипывал под ногами. Я сделал несколько глубоких вдохов хвойным воздухом, настроение улучшилось. «Привезут диван – сразу уйду к себе в квартиру... до Нового года точно уйду... Даже если диван не успеют привезти, все равно уйду, посплю на полу, не могу больше...» - думал я с муторным ощущением на душе, успокаивал себя лишь тем, что счет идет уже на дни.

Месяц стремительно заканчивался. В среду 24 декабря мне привезли диван. Он был огромным, каким я и заказывал – два шестьдесят на метр шестьдесят – спи хоть поперек.

Четверг 25 декабря. Сергей снова предложил выписать премию: нам двоим по пять тысяч, а Вере – три. Мотивировал это концом года и скорыми праздниками. Я согласился. Сергей суетливо обрадовался и торопливо отсчитал деньги. Протянул пять купюр мне, а восемь сунул в свой кошелек. Семье Сергея все острее не хватало денег. Я же из двадцати пяти тысяч зарплаты на себя тратил не больше десяти, остальное шло в ремонт.

Пятница 26 декабря. На счете фирмы не хватило денег, чтобы к концу года закрыть текущие долги. Мы решили снова внести личные деньги. Требовалось восемьдесят тысяч. Сергей замялся и сказал, что может внести только тридцать. Я даже не среагировал на его скулеж, позвонил отцу, тот согласился дать еще пятьдесят тысяч. Договорились с Сергеем принести деньги в понедельник.

Понедельник 29 декабря. Деньги принесли, положили их на счет фирмы, оплатили все долги. На фирме повис долг в сто тысяч отцу и в пятьдесят Сергею. Про себя я решил вернуть долг отцу к весне. Вечером в офисе застройщик выдал документы на квартиру.

- Только тут нет кадастрового паспорта, - сказала сотрудница компании и добавила, что паспорт будет готов и его можно будет получить после Новогодних праздников.

- Я зайду, заберу! – сказал я. – Пройдусь пешком до офиса. Тут идти десять минут...

- Ну да, заberi тогда, Ромыч, ладно? – закивал Сергей.

Выйдя на улицу, мы поздравили друг друга с наступающими праздниками. Сергей предложил подвезти меня до дома, я отказался и, едва «мазда» уехала, пошел в квартиру родителей. «Дом» был еще там.

В Новогоднюю ночь совершенно не возникло желания оказаться где-то в шумном месте. Хотелось лишь тишины и уюта. Мать с утра 31 декабря суетилась на кухне, готовя разное вкусное. День провел в приятной суете, покупая родителям подарки, и вечером их подарил. В полночь открыли шампанское, поздравили друг друга с наступившим Новым годом. Но ощущение семьи уже не возникло, искусственные эмоции не воскресили его, в глазах родителей не было радости. Вскоре они разошлись по комнатам, и в квартире стало совсем неуютно. Я оделся и вышел на улицу. Час ночи, новогодняя ночь, местами шумели

группы людей с фейерверками. Я пошел в свою квартиру. Тишина, пять градусов мороза, снег под ногами – стояла идеальная зимняя ночь. Я поднялся на этаж, зашел в квартиру, внутри было непривычно тихо, слышался каждый шорох. Я лег на диван и закрыл глаза – я дома, я в своей квартире. Один. Дотерпел.

Первая ночь в пустой квартире оказалась неудобной. Все новое – обстановка, место, звуки. Я спал чутко, ловя каждый шорох. Квартира ощущалась мне огромной. Но привык я быстро, уже через пару дней спал крепким сном. Новоселье в некоем роде меня спасло – изменился характер отношений с родителями. Я больше не толкался вынужденно с ними в одном пространстве, а проводил в их квартире минимум времени и уходил в себе. В моей жизни появилось важное – личное пространство. Праздники прошли празднично – я перевез к себе компьютерный стол, ноутбук и все дни провел за чтением и просмотром фильмов в интернете. Мне всегда казалось, что решение квартирного вопроса само-собой поможет и в делах семейных, что-то вроде – я не женился потому, что негде было бы жить семье. И мне казалось, что встречу будущую жену если не первого января, но до конца праздников уж точно. Я вдруг осознал, что остался последним холостяком из всех знакомых. Думал и о будущей учебе в кинематографическом вузе. До нее оставалось чуть более полугода. Я ощущал, как приближался к своей мечте, отчего в груди становилось легко. Понимал, что стоит только уехать в Москву, а там уж все будет как надо. Окружающая жизнь обрыдла. Угасание фирмы угнетало. Я думал об этом часто. Первая мысль – не повезло с партнером по бизнесу. Я хватался за нее. Я был уверен – не будь Сергея, без потрясений мы с отцом трудились бы и дальше. Но тогда не высвободили бы свои деньги из оборота и не купили так удачно квартиру. И не случилось бы тех доходов, какие мы сделали на принесенных с собой Сергеем наработках. Выходило, что в объединении с Сергеем все-таки повезло? Я понимал, что верны обе мысли. Нет в жизни чисто белого и черного, все смесь. Но обида все равно захлестывала. «У нас был шанс!» - стучала в голове настойчивая мысль. Едва наше объединение с Сергеем дало первые результаты, я стал уверен – это тот джекпот, то выигрышное решение, с которого все начнется, и дальше будет лишь расти и умножаться. «Но почему Сергей не поддержал мое предложение о развитии фирмы? Почему?» Вопрос глодал меня. Ответы находились разные. Но правильным казался один – Сергей не понял перспективу развития, не сообразил, что без развития мы не останемся в той комфортной точке, а обязательно скатимся. Но ответ не облегчал. Упущенная возможность жгла мозг.

10 января я получил последний документ на «двушку», кадастровый паспорт. Опа! Я не поверил своим глазам. В документе значилась площадь квартиры в 71 квадратный метр вместо 62, за которые мы платили. «Это что ж получается, в строительной компании ошиблись и продали нам бóльший метраж за меньшие деньги!?» - стал соображать я, ища ошибку. Успокоился, понимая, в любом случае мы заплатили за меньший метраж. Сергей, узнав новость, обрадовался ей осторожно. Его растерянные глаза настороженно смотрели на выигрыш.

- Слушай, ну получается, нам подарили девять метров площади, Серый! – сказал я, отложив в сторону калькулятор. – Двести пятьдесят тысяч на ровном месте, прикинь!

- Да ну, ерунда какая-то, - нахмурился тот.

- А че ерунда!? Это официальная бумажка! Это данные обмеров! Мы с ней можем квартиру продавать как с площадью в семьдесят один метр! – продолжил я, разглядывая документ. – Только странный какой-то паспорт, схематичный... У меня на мою квартиру

подробный был, с площадями каждой комнаты, а этот... общий контур квартиры и все...

- Ну а вдруг он не настоящий!? – выдал свои сомнения Сергей.

- Да как – не настоящий!? – хмыкнул я. – Печати все есть, подписи тоже, получил я его не в шарашкиной конторе, а в нормальной компании! Че это он не настоящий!?

Довод про мою квартиру, кажется, притупил опасения Сергея.

- Вот документы понесем на регистрацию... – добавил я самый весомый аргумент. – Если примут и выдадут зеленку, значит, паспорт этот нормальный.

15 января выписали себе очередные проценты. Сергей отсчитал из «общака» две тысячи мне и одну себе. Вечером я отдал деньги отцу и пошел в свою квартиру. Я даже удивился, насколько быстро обжился в ней, будто жил там всегда. В моего доме открылся тренажерный зал, я записался в него и возобновил тренировки.

В работе с начала года возникло монотонное однообразие – мы принимали заказы, развозили товар, собирали деньги и закупали товар. Бизнес ужался до минимума. Доход фирмы в январе составил сто тысяч, при расходах с зарплатами в девяносто. Февраль ожидался таким же, а оживление в торговле – лишь в марте. Нас окончательно вытеснили с рынка парфюмерии. Ее поставки крохами сохранились лишь в «Пересвете». Телега, как емко назвал наш бизнес Сергей, катилась по накатанной, вихляла и, кажется, никто ей уже не управлял. Я – так точно. Истоки своего безразличия я знал – сам убил свою активность по известным причинам. Но апатия Сергея удивляла, и я всё силился ее понять. «Ведь он жадный на деньги, охочий до статуса! А все это уплывает у него из-под ног. Так почему он спокойно на это смотрит? Не знаю...» – крутились в моей голове недоумения. Слишком много «почему» возникло в голове в последнее время. Я думал постоянно. Особенно дома, когда оставался один. Смотрел ли фильм, играл ли в игру или просто блуждал в интернете – не важно – я постоянно думал. Мысли роились в голове, сбивали сон. Я засиживался так допоздна и стал хуже засыпать.

В начале февраля Сергей предложил получить очередные проценты. Я не возражал, лишь заметил, что Сергею явно была неприятна эта процедура, он старался совершить ее поскорей – торопливо отсчитывал две тысячи мне и тысячу себе. Я видел причину просто – разница в финансовых возможностях. Сергею претило осознание, что я, отец, в общем, другая сторона обладала бóльшими финансовыми возможностями. А какими именно он не знал и нервничал. Видимо Сергей действительно крепко погорел на кризисе. Я думал и об этом случае. На ум пришел простой вывод. Как говорится, Бог не Микешка – он все видит и шельму метит. Так и вышло, Сергей прятал деньги от семьи, а жизнь одним движением лишила его заначки. Объяснениям Сергея, что деньги предназначались в будущем детям, я уже не верил. И Сергей больше не хвастался своей заначкой якобы в полмиллиона, лишь ходил с пустыми блеклыми глазами. За три года работы с ним негатива во мне скопилось чрезмерно. А хотелось позитива, весны и тепла. Зимы я уже ненавидел.

Пункт отношений с девушками занимал меня все сильнее, особенно в свете модели поведения с ними Сергея. Анализ своих неудач и его опыта снова приводил к логике – чем хуже ведешь себя с женщинами, тем лучше они относятся к мужчине. Но циника играть у меня не получалось, я знал, не та натура. И играть в отношениях глупо – ложь их рушит. «Так что здесь прав все же я, а не Сергей», - подумал я, балансируя между фактами, и тут же вспомнил слова Сергея, что он всегда выбирал лишь из тех «баб», каким нравился сам. «А вот это умно!» - согласился я, осознавая, что все мои неудачи были связаны именно с

таким фактом – я сам «западал» на девушек первым, совершенно не чувствуя их истинное отношение ко мне. Итог всегда выходил один – меня не любили, я тратил время не на тех женщин. Но до конца такое объяснение меня не устраивало. Оно казалось однобоким, по нему выходило – либо ты любишь, либо тебя. «А как же взаимность? Один любит, другой позволяет? Нет, это ерунда полная, это суррогат отношений, неумение строить настоящие. И такого суррогата добиться крайне легко, достаточно пойти по пути Сергея и применить его опыт. Я против. И даже не по причине морали, спать и жить с нелюбимой женщиной – это ли не каторга? Интересная штука выходит, Сергей пошел в вопросе с женщинами по легкому и быстрому пути, получил, что хотел. Цинично, без морали, но получил. Я же иду по какому-то муторному моральному пути, раз за разом получая отрицательный исход...» - устал в размышлениях я, поняв, что побродил по кругу и вернулся в исходную точку. В какой-то момент даже подумалось, что я полный кретин. Задал себе вопрос: хотел бы я получить такой результат как Сергей – послушную затравленную жену и имитацию для общества крепкой счастливой семьи? Нет, даром не надо. Ответ меня слегка успокоил. В отношениях с женщинами у Сергея была своя правда, но то была правда слабого человека. Из его опыта я взял лишь единственно важное – стоит обращать внимание только на тех девушек, которые интересуются мною. Это была крупница истины. Остальное я оставил в памяти лишь информацией.

Под конец зимы Сергей попал в аварию, небольшую, но раскошелиться на ремонт пришлось – стукнулся передом «мазды» в зад джипа. Удар пришелся в висящее запасное колесо. От удара капот вздыбился. Сергей заказал новый у Бориса и Вали. Те взяли за доставку без предоплаты. Через неделю капот был в офисе. Тут Сергей сообщил, что где-то в другом магазине видел капот дешевле и отказался брать его у соседей. Я видел всю сценку целиком – недовольную тираду Сергея и недоуменное лицо Вали. На следующий день капот у соседей забрали поставщики. Вопрос, вроде бы уладился, но осадок остался. Сергей заменил капот и неделю проездил с ним некрашеным, покрасил, стал жаловаться, что ремонт обошелся почти в пятнадцать тысяч. Я пропустил его причитания мимо ушей.

Мои полуночные сидения за ноутбуком незаметно превратились в ночные. Я стал ложиться спать в час, потом в два, в три. Режим сбился, я перестал высыпаться, досыпая урывками днем, а ночью вновь бодрствуя. Стала побаливать голова. В позвонках шеи, затекавшей от долгого неподвижного сидения, при разминке появился хруст. Я потоком ночами смотрел фильмы. Сон из здорового и размеренного превратился в тяжелое забытье от измождения ночными бдениями. В мыслях зародилась тревожность. Не понимая ее причину, я лишь улавливал ощущение, что происходит что-то не то. И оно стало расти.

Наконец пришла весна. Первые недели выдались слякотными, с тяжелыми серыми влажными тучами. Температура застряла на нуле, и повеяло признаками затяжной весны. От такой погоды лишь сильнее хотелось настоящего солнечного тепла. Работа, дом, зал – моя жизнь текла в этих трех точках. Вечерами я садился поудобнее и включал очередной фильм.

Едва начался месяц, Сергей так же торопливо списал проценты по займу. Я забрал отцовские две тысячи, Сергей переложил тысячу между отделений кошелька. Спустя пару минут, он намекнул мне о приближении 8 марта. Я все понял и предложил выписать Вере премию, Сергей согласился и доложил к тысяче еще две.

Очередным вечером дома я привычно засиделся до поздней ночи в интернете, сон не шел. Я включил фильм. Сюжет показался интересным, но путанным. Я упустил нить логики еще в начале, запутался чуть погодя окончательно, перестал думать над сюжетом и стал просто наблюдать за событиями фильма. К трем часам ночи меня стал одолевать сон. На экране ноутбука герой Траволты под проливным дождем подошел к джипу, в котором сидела его напарница, красивая коротко стриженная блондинка, и что-то ей сказал.

- Главное – рассказать все правильно! – добавил он сквозь туман в моем сознании. Я выключил ноутбук и лег на диван. Заснул быстро, провалился в какую-то бездну. Сон выдался рваным, сплошь из всполохов отрывков картины. Среди них появлялся Траволта, произносил «Главное – рассказать все правильно!» и исчезал. Я проснулся в девять утра, сам, без будильника. Чувствуя себя разбитым, пошел в душ. Там под теплыми струями я несколько минут просто спал стоя. Позавтракал, в половине десятого вышел на работу, в десять был в офисе. Следом в состоянии эйфории влетели Сергей и Вера, стали наперебой рассказывать, как защищали дипломные проекты.

- Че, все, защитились!? Можно поздравлять!? – улыбнулся я.

- Дааа! Всеее! – радостно закивала Вера, отмахнулась. – Да, поздравляй нас скорее!

- Ну молодцы! Поздравляю! Отмучались! – подставил я ладонь Вере, там привычно хлопнула по ней своей, и я пожал руку Сергею. Тут же подключилась к обсуждению Валя, ей одной скучно сиделось за прилавком. Сергей принялся возбужденно хвалиться Вале, та начала восторгаться и поздравлять.

- Ну че, какая оценка? – спросил я Веру, пока Сергей развлекал Валу. – «Пять»?

- Да, «пять», - поморщила носик та, будто другой оценки и быть не могло. И я с ней был согласен, давно уяснил – все, за что бралась Вера, делалось на «отлично».

- Нормально, - кивнул я удовлетворенно.

- Да я быстро защитилась... – отмахнулась Вера. – Шых, шых и готово...

- Кто б сомневался, Вер, - улыбнулся я снова.

- Да ты б видел, как я там защищался! – услышал фразу Сергей, вернулся к нашему столу. – Я там как начал им рассказывать! И про структуру предприятия, и про прибыли, и про издержки! Они такие глаза выкатили, сидят слушают! Вопросы начали задавать, типа, откуда я это знаю, вроде в учебниках не написано!? Я им говорю – да у меня своя фирма!

Сергей излагал в своем стиле – красочно, эмоционально, с сильной жестикуляцией. Руки его, не зная покоя, то разлетались в стороны, то собирались на груди, то взрывались вперед растопыренными пальцами, то повисали безвольно вдоль тела. Все это я уже видел много раз, потому не удивлялся, скучал. Я знал этому аттракциону цену. Вопрос, который стоило задать, уже вертелся у меня на языке, но я не спешил, давая Сергею время наврать побольше.

- Да ты... артист, - отмахнулся я, улыбаясь.

- Не, Роман, ты б видел, как я там защищался! – продолжал он, совсем не чувствуя моего сарказма. – Потом уже, когда все защитились, мне сказали, что самая лучшая была защита! Так и сказали – Лобов лучше всех провел защиту диплома! И сказали, что отметят меня, напишут об этом руководству в Москву!

Я скептически посмотрел на Сергея.

- Верок, ну скажи!? – выбросил тот руку к жене, как к спасительному кругу.

- Да, Ром, - закивала Вера, - Серёжка хорошо отвечал. Да там, в принципе, в нашей группе все хорошо защищались, да?

Последний вопрос адресовался Сергею.

- Ну не знаю, как все там отвечали! – выплеснулся тот вновь. – Я отвечал просто идеально, Вер! Просто идеально! Я всё им ответил! Просто всё разжевал и рассказал! Они там все с раскрытыми ртами сидели и слушали...

Я молчал, ждал, когда эмоции иссякнут, знал – это ненадолго. Наконец, Сергей выдохся и умолк, глядя на меня в ожидании реакции. Одобрение, восхищение – любой.

- Оценку то, какую получил в итоге!? – произнес я четко. – Вера – «пять», а ты!?

Вопрос попал в яблочко, в глазах Сергея появилась неловкость. Теперь ждал я.

- Да я нормально там ответил, защитился... – начал юлить Сергей. – И Верок защитилась и я... Ну, с ней все ясно, Верок у нас отличница, она там и староста группы... ей пять так и так бы поставили...

- Ну ты-то какую оценку получил? – дожимал я, уже зная ответ.

- Роман, да ты сам понимаешь, мне эти «пятерки» и не нужны! – торопливо проговорил Сергей. – Я, вон, диплом получил, высшее образование есть, и нормально...

- Так сколько тебе поставили!? – задал я вопрос с еще большим нажимом.

- Да «три» мне поставили, Роман! – возмущенно отбилась от меня фразой Сергей.

- Так бы и сказал сразу, - примирительно сказал я, делая вновь лицо простака. – Ты же не сказал сразу, вот я и допытываюсь, Серый... Теперь услышал... Нормальная оценка...

Все, что требовалось мне, я узнал, в который раз подтвердив догадки относительно личности Сергея – то, что он ленивый бездарь. Уровень обучения на заочном отделении в вузах столь низок, что отличные оценки там, едва равны удовлетворительным на дневном отделении. А уж чтоб получить самый низкий бал при защите диплома на заочном, надо совсем ничего не знать по предмету.

Я тут же заговорил с Верой о делах, дабы ложно показать Сергею, что интерес мой был праздным. Поверил он или нет, я не знал – но Сергей нервничал. И причину я знал – своим настырным вопросом я вынудил Сергея озвучить его слабую оценку. Я понимал, он хотел ее скрыть за фейерверком эмоционального, но пустого и осознанно отвлекающего рассказа. Странная скрытая закономерность сформировалась в нашем с Сергеем общении – я подмечал моменты, в коих он на публике искажал правду или просто врал, давал время Сергею завратиться, а после вынуждал выдать истину. Сергей попадал в патовую позицию и начинал стыдливо выкручиваться. Я же наблюдал за ним и в какой-то момент поймал себя на мысли, что получаю от созерцания удовлетворение. И мне такое чувство не нравилось. Удовлетворение это ощущалось мною болезненным, нехорошим. Много такого завелось во мне с момента, как наши с Сергеем линии жизни сошлись и пошли параллельно. Мы все быстрее катились к развязке. «Осталось полгода», - подумал я, считая дни до отъезда в Москву каплями своей души.